

теризует его в ином свете. Вне всякого сомнения, продиктовано оно было заботой Командующего как о раненых, так и о людях, пошедших за ним и доверивших ему свои жизни. Едва лишь ситуация изменилась и перспектива разгрома и гибели всех без остатка стала реальной, Корнилов изменил первоначальный план.

Так или иначе, но после суточного отдыха в Кореновский вечером 5(18) марта все части стянулись к станции, выстроились в колонну и та, перейдя у переезда железнодорожные пути, повернула на юго-восток. Только тут добровольцы узнали, что Армия на Екатеринодар не идёт. В авангарде следовали три роты Офицерского полка, Техническая рота и 1-я батарея. В арьергарде – Партизанский полк. Около 21 часа 4-я рота Офицерского полка снялась из охранения перед станцией и стала в хвост колонны. Последней отходила от станции 3-я рота Корниловского полка. «Корниловцы» свернули охранение у переезда и в предрассветных сумерках стали нагонять ушедшую вперёд колонну.

Кореновская осталась позади...

6.7. Усть-Лабинская

Несмотря на все меры предосторожности, уйти незамеченными не удалось. Уже на рассвете один из советских конных разъездов обнаружил отход 3-й роты «корниловцев». Надо отдать должное Сорокину. Действовал он быстро и решительно. Оставленная добровольцами Кореновская сразу же была занята, а от Платнировской в преследование двинут отряд общей численностью до 500 штыков с артиллерией. 3-я рота на виду у противника рассыпалась, избегая обстрела, и вскоре присоединилась к своим. Арьергард, пропустив её через себя, прекратил движение и открыл огонь по развернувшимся для атаки цепям противника. Раз за разом Партизанский полк останавливался, отгонял от себя наседавших «сорокинцев» и продолжал следование. Большевики не отваживались пока атаковать, ограничиваясь лишь преследованием. Но их артиллерия издалека начала обстреливать добровольцев. Снаряды стали долетать уже и

до обоза. Впрочем, прямых попаданий всё же не было. «Партизаны» удерживали противника на почтительном расстоянии. Натиск между тем усилился, и вскоре дальнейшее продвижение под огнём сделалось невозможным. Партизанский полк километрах в 4-х от станицы стал окончательно на хуторах и вынужден был принять «правильный» бой.

Растянувшаяся колонна Добровольческой армии между тем спешно продвигалась к Усть-Лабинской. Ещё на выходе из станицы Раздольной в голову колонны стал Корниловский полк. Ему было приказано ворваться в станицу и овладеть переправой – мостом через Кубань. Задача усложнялась ещё и тем, что от южной окраины станицы до реки тянулась узкая длинная²⁸⁶ дамба. Неизвестно было, цел мост или уже взорван большевиками. В последнем случае Армии грозила перспектива быть прижатой к полноводной, не переходимой вброд реке. Именно этим обстоятельством объясняется лихорадочная поспешность всех последующих действий. Главной целью было не взять станицу, а пройти через неё и как можно скорее перебраться на другой берег.

К полудню 6(19) марта Армия вышла к Усть-Лабинской. Здесь её уже ждали. Перед полотном железной дороги и станцией были вырыты окопы, занимаемые большевиками. Небо было затянуто тучами. Видимость – весьма ограничена. Стоило людям и целым подразделениям отойти немного в сторону, как они тут же терялись из виду в висевшей над землёй мороси.

Между 13 и 14 часами авангард пошёл в атаку. Юнкерский батальон принял вправо и начал выдвигаться к насыпи с целью оседлать железную дорогу и прикрыть правый фланг Армии. Вскоре там завязался бой. «Корниловцы» же продвигались вперёд тихо, без выстрела. От полка была выделена колонна, охватывающая станцию с левого фланга. Тут, по словам Деникина, шедшего вместе с «корниловцами», произошло следующее. Со стороны станицы подъехал верховой и сообщил, что «товарищи форштадта»²⁸⁷ согласны пропустить Армию без боя.

²⁸⁶ Длинной до трёх километров.

²⁸⁷ Неказачья часть станицы, рядом расположенный посёлок иногородних.

Раздумывать было некогда. Цепи поднялись и скорым шагом пошли к станице. Но едва лишь добровольцы прошли несколько сотен метров, как были обстреляны из окопов. По всей видимости «договорённость» касалась *местной* Красной гвардии, по понятным соображениям боя в своей станице старавшейся избежать. Однако пришлый элемент то ли не знал о ней, то ли решил пренебречь. Так или иначе, но цепи вынуждены были залечь и открыть ответный огонь.

К этому времени обходная колонна вышла на исходный рубеж и атаковала правый фланг противника. Едва услышав шум боя, цепи «корниловцев» поднялись и поддержали товарищей ударом с фронта. Остаётся предположить, что, по крайней мере, часть красногвардейцев *действительно* старались избежать вооружённого столкновения. Так или иначе, но оборона с самого начала носила очаговый характер и оказалась весьма непрочной. Солдаты, не желая попасть под обстрел на узкой дамбе, рассыпались вправо и влево от станицы. Многие попрятались по домам. Их не преследовали²⁸⁸. «Корниловцы» спешили захватить в целости и сохранности переправу. Лишь две роты офицерского батальона были выделены для прикрытия восточной окраины станицы. Едва мост был захвачен, командир Офицерского батальона «корниловцев» полковник Булюбаш приказал ротам спуститься вниз, к реке, и обеспечить его охрану. Однако в этот момент отступившие было к кирпичным заводам солдаты перешли в контратаку. Добровольцы подпустили их на 300 шагов и встретили огнём. Укрыться красногвардейцам на открытой местности было некуда. Потеряв десятки убитых, они вновь вынуждены были отойти. После этого роты снялись и поспешили присоединиться к полку. Это едва не привело позже к серьёзным последствиям.

Между тем Партизанскому полку, отступавшему под натиском «сорокинцев» к Усть-Лабинской, приходилось туго. Обескровленный в предшествующих боях, насчитывающий не

²⁸⁸ Проходя по улицам Усть-Лабинской, группа добровольцев наткнулась на станичную тюрьму, в которой содержались несколько офицеров во главе с полковником Молодкиным. Все они тут же получили по винтовке в руки и присоединились к своим освободителям.

более 400 штыков, непрерывно обстреливаемый артиллерией полк медленно отходил. В какой-то момент к командиру полка подскочил от одной из сотен посыльный офицер. Он доложил, что противник обходит цепи «партизан», вынуждая их к отступлению. Резервов у Богаевского уже не было. Все, кроме штабных чинов, были посланы в бой. Он приказал офицеру отправиться к Корнилову и доложить обо всём Командующему лично, но добавить при этом, что Партизанский полк держаться ещё в состоянии²⁸⁹.

Через некоторое время к Богаевскому подскочила баронесса Бодэ, служившая ординарцем при конном дивизионе, и доложила, что Корнилов направил на помощь последний армейский резерв – два эскадрона. Колонна кавалерии на рысях подошла к месту боя, но Богаевский, посчитавший, что у переправы они будут нужнее, отправил кавалеристов обратно.

Постепенный отход Партизанского полка привёл к тому, что под перекрёстным огнём оказались «главные силы». Вплоть до того момента, как мост через Кубань был захвачен «корниловцами», обоз был стянут генералом Эльснером в до предела сжатую колонну и ожидал конца боя.

Всё это время Офицерский полк стоял в резерве перед станицей. Командир полка был при Командующем, за него оставался Тимановский. Наконец, к добровольцам подскочил Марков и сразу скомандовал:

– Первая рота! За мной!

Рота в походном строю стала выдвигаться к станице. Прошли мимо стога сена, на котором стоял наблюдавший за ходом боя Корнилов.

– Сергей Леонидович, пошлите роту туда, – указал он направление.

Рота развернулась в цепь и двинулась вправо от станицы.

²⁸⁹ Позже Корнилов сообщил Богаевскому, что офицер, доложив о бедственном положении арьергарда, попросил от его имени подкреплений. Вся эта история свидетельствует, прежде всего, о том, что Марков с Неженцевым были правы. Люди устали и были на грани срыва. Неизменная стойкость ставилась под сомнение. И в большей степени по понятным причинам это относилось к Партизанскому полку и Юнкерскому батальону.

Навстречу ей из тумана стали выбегать отступающие юнкера. За ними от насыпи шли густые солдатские цепи. Всё же, поравнявшись с офицерской ротой, Юнкерский батальон тут же прекратил отход и вместе с ней вновь атаковал противника. Какое-то время большевики продолжали идти вперёд, но, увидев, что перед ними подошедшая свежая часть, не выдержали и, не задерживаясь в своих окопах, побежали к домам. Юнкерский батальон был оставлен на насыпи для прикрытия западной окраины станицы от возможного выдвигания красногвардейских эшелонов из Екатеринодара²⁹⁰. 1-я рота продолжила наступление, продвигаясь вдоль северной окраины станицы в восточном направлении. Бегущие перед ней красногвардейцы сворачивали в боковые улицы и прятались в садах и хозяйственных постройках. Их не преследовали и почти не стреляли. Рота получила приказ и спешила выйти на восточную окраину станицы.

Наконец рота достигла намеченного рубежа и развернулась в поле. Прямо перед ней лежали в немалом числе трупы красногвардейцев. Подскакавший Марков удивлённо спросил:

– Когда вы успели набить столько?

На что добровольцы отвечали, что и сами находятся в недоумении, поскольку на этом направлении в бой ещё не вступали. О том, что здесь до них удерживали позиции две роты «корниловцев», многие узнали лишь в эмиграции.

Маркову между тем была поставлена Корниловым задача оседлать железную дорогу и обеспечить охрану станицы со стороны Кавказской. 1-я рота стала правее железнодорожного полотна. 2-я и 3-я развернулись в цепи слева. 4-я рота, обойдя по целине стоявшие в несколько рядов повозки обоза, составила полковой резерв в полукилометре позади. Сам Марков, сопровождаемый командирами, находился у железнодорожной будки и часто поглядывал вдоль путей в сторону станицы Ладжской. Располагал ли он какими-либо сведениями²⁹¹ или, скорее,

²⁹⁰ Атаки с запада не последовало. Напротив, были замечены дымки уходивших к Екатеринодару эшелонов.

²⁹¹ Такие сведения могли быть получены только лишь из захваченных на станции телеграфных лент. И если кто-то в горячке боя догадался этим озаботиться, это делает ему честь.

просто допускал развитие событий по худшему из возможных сценариев, но случилось именно то, чего все опасались.

– Вот и они, – сказал Марков.

Километрах в двух от станции остановился эшелон. Из вагонов выскакивали красногвардейцы и тут же разворачивались в боевой порядок как справа, так и слева от полотна. Солдатские цепи пошли вперёд, а за ними с платформ на руках выкатили четыре орудия, ставшие на позицию и начавшие обстреливать станцию. Марков с Миончинским укрылись за деревом. Миончинский определил ориентиры и подал команду открыть ответный огонь²⁹². Первые же гранаты разорвались у самых орудий противника. И тут же последовало прямое попадание в щит. Видно было, как номеров разбросало разрывом. Все они, конечно, погибли на месте. Оставшиеся в живых советские артиллеристы спешили на руках оттащить уцелевшие орудия обратно к поезду. Но следующая граната разорвалась у самого паровоза. Машинист не стал дожидаться новых попаданий и дал задний ход²⁹³.

²⁹² 1-я батарея стала на закрытую позицию на станичной площади у здания почтово-телеграфной конторы и стреляла по ориентирам своего командира «по буссоли».

²⁹³ Деникин и Богаевский отводят 1-й батарее куда более значимую роль в бою за Усть-Лабинскую. Вот что пишет по этому поводу Деникин: «Вдруг получается донесение, что с востока, от Кавказской подошел большевистский эшелон, разгрузился и идет к станции. Скоро по вокзалу и станции начали глухо взрываться шестидюймовые бомбы. Штаб и конвой – больше никого! Неженцев в пылу боя увлёкся преследованием и не оставил заслона против Кавказской. Корнилов сумрачен и озабочен; вместе с Романовским идут к окраине; скоро ординарцы развезят распоряжения: поставить на площади батарею, повернуть на восточную окраину часть Офицерского полка, который с Марковым подходил к вокзалу, вернуть батальон корниловцев... Проходит около 3/4 часа, пока собираются части, и борьбу ведёт одна лишь батарея Миончинского. Но скоро бегом мимо станции проходят Марковские офицеры и вместе с «корниловцами» бьют и обращают в бегство подходящих уже к самой станции большевиков».

А вот слова Богаевского: «Между тем бой в станции едва не кончился катастрофой. Корниловцы, выбив большевиков из неё, увлеклись преследованием их вдоль р. Кубани, не оставив заслона против станции Кавказской. И вот, когда все слабые силы добровольцев были разбросаны на значительном пространстве в разных концах станции, неожиданно появился с востока сильный эшелон красных, разгрузился в поле и начал наступление на станцию, осыпая её снарядами. За неимением под рукой других войск, генерал

По станице продолжал стрелять бронепоезд, стоявший на путях позади эшелона. Но он находился на известном удалении, и снаряды ложились в стороне от ротных позиций.

Красногвардейские цепи, не обескураженные неудачей поддерживающей их артиллерии, скорым шагом продолжали идти на сближение. Противники почти не стреляли друг в друга. Наконец, Марков подал команду: «В атаку!» 1-я, 2-я и 3-я роты поднялись и устремились в штыки. Левый фланг наступающих большевиков упирался в Кубань. Поэтому 1-я рота, проскочив едва пару сотен шагов, оказалась охваченной справа. К тому же не встреченный контратакой противник начал продвигаться вдоль берега к станице, угрожая и переправе. Немедленно Марков двинул в первую линию 4-ю роту, которая развернулась вполоборота вправо и атаковала. Большевики дрогнули почти одновременно по всему фронту и побежали. Полк пошёл в преследование. На левом фланге рубил отходивших в беспорядке крас-

Корнилов приказал батарее... Миончинского задержать наступление большевиков... последний... блестяще это выполнил и в течение 3/4 часа, пока собирались другие войска, удержал противника...»

Следует заметить, что сам Богаевский, находившийся на другом участке, не мог непосредственно наблюдать происходящее и, видимо, повторяет слова Деникина. И поскольку о «катастрофе» ни Павлов, ни марковцы-артиллеристы не упоминают, остаётся предположить следующее. «Сильный эшелон красных» подошёл от Ладожской, когда восточную окраину станицы действительно прикрывала одна лишь вышедшая к ней 1-я батарея. Но чтобы разгрузиться и начать наступление, красногвардейцам потребовалось время, и когда их цепи пошли вперёд, оборона была уже прочной.

Подобные «несовпадения» в разных источниках, впрочем, вполне объяснимы. Слишком уж много событий произошло в столь короткий промежуток времени. Масштабные бои не прекращались, перетекая из одного в другой. И неудивительно, что в мемуарах современников и даже очевидцев отдельные эпизоды иногда то не совпадают по времени, то накладываются один на другой...

Армия под Усть-Лабинской оказалась, конечно, в затруднительном положении. Она атаковала противника, силы и состав которого не были известны. При этом вынуждена была отбиваться от советского отряда, настойчиво атакующего арьергард, и могла в любой момент подвергнуться фланговому атакам. Думается, однако, что о возможной катастрофе говорить всё же не приходится. Бой со стороны большевиков должной организацией на этот раз не отличался. Станичная Красная гвардия серьёзного сопротивления, по сути, не оказала. Атаки же с тыла и от Кавказской велись решительно, по сходящимся направлениям, но одновременно и изолированно друг от друга. Подкрепления из Екатеринодара к месту боя так и не подошли.

ногвардейцев конный дивизион. Очевидцы утверждают, что не исключалась возможность захвата орудий. Но уже темнело. Роты были отозваны Марковым назад для охраны станицы и моста.

Ещё во время боя обоз начал переправляться на левый берег Кубани. Впереди шла Техническая рота, которой предстояло заняться наконец-то своей работой. Участок дорожного полотна был вырван взрывом²⁹⁴, но каменные опоры моста и стальные пролётные строения не пострадали. Чины технической роты заделали внушительных размеров дыру и в течение всей переправы следили за её ходом. На всякий случай для переправы строевых частей, охранявших мост, были приготовлены лодки и подручные средства. Но они так и не понадобились.

Не в последнюю очередь из-за разросшегося непомерно обоза переправа затянулась до полуночи. Несмотря на то, что западная часть станицы, в которой скопилось немало покинувших поле боя красногвардейцев, по существу так и не была занята добровольцами, переправа прошла спокойно.

Проследовал обоз, прошёл армейский лазарет, прошёл Партизанский полк²⁹⁵. За ним – кавалерийский дивизион, Юнкерский батальон и оставившие восточную окраину станицы роты Офицерского полка. 1-я батарея подвезла к переправе свои орудия на одних коренных. По мосту их перекатывали на руках. Для того чтобы избежать сутолоки и ускорить переправу, конные артиллеристы переходили реку вброд. Пешие – по доскам, проложенным поперек полузатопленных телег. Уже за полночь снялись с охранения «корниловцы²⁹⁶».

²⁹⁴ По всей видимости, большевики всё же пытались подорвать мост, но сделать этого не смогли, а возможно и не успели. Не исключено, впрочем, что в него угодила случайная снаряд.

²⁹⁵ Едва начало темнеть, атаки советского отряда, преследующего Армию от Кореновской, прекратились. Богаевский свернул полк и, оторвавшись от противника, увёл его к переправе.

²⁹⁶ 2-й батальон Корниловского полка был оставлен в качестве заслона у переправы. Мост попытались подорвать, но из-за недостатка динамита не разрушили основательно, а лишь повредили. В батальоне, расположившемся на ночлег в ближайших к реке, наполовину сожжённых Саратовских хуторах, не озаботились должным образом об охранении, и большевики, переправившись через Кубань, совершили удачный ночной налёт. После недолгой перестрелки они были отбиты, но сам факт активности противника повышению

Армия перешла на левый берег Кубани.

6.8. За Кубанью

Добровольческая армия, не останавливаясь, растянувшись в колонну, шла глубокой ночью к станице Некрасовской. В полной темноте тут и там до самого горизонта горели яркие огни. Это полыхали подожжённые казаками хутора иногородних. Десятилетиями копившиеся противоречия, до предела обострившиеся с началом дележа войсковых земель, оборачивались теперь новой трагедией.

По свидетельству очевидцев, настроение в колонне было подавленное²⁹⁷. Казаки оказали добровольцам плохую службу. Лишили их нормального ночлега. Между тем люди, до крайности утомлённые 50-километровым маршем и затяжным тяжёлым боем, не могли больше продолжать движение. Одна за другой части устраивались на ночлег рядом с очередным пепелищем или прямо во дворах сожжённых домов. Высланные вперёд разъезды пытались спасти для квартирьеров хоть часть строений. Иным это удавалось. Повезло и 1-й батарее. Вместе с Юнкерским батальоном артиллеристы отдыхали два часа на уцелевших наполовину Султанских хуторах.

Основные силы всё же продвигались постепенно к Некрасовской, до которой от реки было не более 8-10 километров. Переправившись через Кубань, части сразу вытянулись в колонну. Поэтому в голове её шёл обоз, а в затылок ему Офицер-

боевого духа явно не способствовал. К тому же, по свидетельству Левитова, в скоротечном бою был захвачен раненым командир 6-й роты Н.Н. Ровенский, которого наутро повесили в Усть-Лабинской. Роту на следующий день принял капитан Петров. Справедливости ради, следует отметить, что и Корнилов, зачастую, не останавливался перед репрессиями.

²⁹⁷ Особенно возмущало то, что казаки, поспешив свести счёты с иногородними, вовсе не торопились присоединиться к добровольцам. В станице Некрасовской записались в Армию лишь единицы. И то, что после ухода добровольцев она не была сожжена в отместку дотла, объясняется лишь значительным количеством казаков-фронтовиков в составе Красной гвардии.

После подобных «эпизодов» примирить казаков с иногородними было весьма затруднительно, если вообще возможно, что и обусловило, в конечном итоге, последующие события.